
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ МАРКСИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИСТИКИ

И.Ф. Кефели, доктор философских наук, профессор. Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова.

Е.О. Латышева, кандидат юридических наук.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Проведен анализ неослабевающего интереса к марксистскому учению как в мире, так и в России. Подробно рассмотрены направления марксизма, которые обращаются к осмыслению глобальных процессов.

Ключевые слова: марксизм, геополитика, глобализация, цивилизация, общество

MODERN MARXISM IN THE GLOBAL STUDIES CONTEXT

I.F. Kefeli. The Baltic state technical university «Voyenmekh» of D.F. Ustinov.

E.O. Latysheva. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The author of article analyzes what caused interest to the Marxist doctrine both in the world, and in Russia. Thus the directions of Marxism which address to judgment of global processes are in detail considered.

Key words: marxism, geopolitics, globalization, civilization, society

Распад биполярного мира, вызванный крушением «реального социализма», обусловил политический кризис марксистского учения. Однако в качестве теории и идейной практики марксизм остается одним из заметных течений современного общества. На Западе ведущими марксистскими направлениями остаются Франкфуртская школа, альтюссеррианство и аналитический марксизм. В 90-х гг. XX в. идеи марксизма сместились на периферию общественной теории и идеологии, но его идеи и методология сохраняются в суждениях ряда отечественных идеологов либерализма, консерватизма, патриотизма, глобализма и др.

Из всего спектра постсоветского марксизма выделяются, как полагает Л.В. Сморгунов, *критический марксизм* (неомарксизм) и *эклектический марксизм*. Критический марксизм в современной России является маргинальным течением, не оказывающим серьезного влияния ни на политический дискурс и социальную практику, ни на обществоведческие научные направления. С другой стороны, ряд авторов в современной России пытается применить марксистские идеи к объяснению процессов и явлений глобализации, а также к особенностям развития России в посткоммунистическое время. Причем, общим для критического и эклектического марксизма остается стремление опереться на идею творческого труда, характеризующую реальное обобществление как условие всестороннего и гармонического развития человека в коммунистическом обществе. Марксизм, как справедливо отмечает Сморгунов, остается философией и идеологией эксплуатируемого

капиталом труда; при этом критический марксизм более склонен использовать философско-экономическую, а эклектический марксизм – политико-экономическую терминологию. Однако эклектический марксизм пытается расширить сферу исследований, включив в нее идеи глобалистики и геополитики, цивилизационного подхода и концепцию устойчивого развития, «русскую идею». В конечном итоге, в «эклектическом марксизме» марксизм оказался полностью вытесненным геополитикой и теорией цивилизации. Попытка «развить» марксистское учение добавлением к классовым противоречиям межкультурных противоречий привела к тому, что, как и в истории российского марксизма на рубеже XIX–XX вв., вопрос «о капитализме в России» стал центральным. Принципиальная несовместимость западной культуры и цивилизации с ее рационализмом и приоритетностью индивидуального начала, ярко представленными в либеральной идеологии и философии, с русской цивилизацией, с ее культом соборности и державности, как считается в эклектическом марксизме, является основным выводом, проистекающим из использования геополитического и цивилизационного подходов к анализу современности. Однако, как полагает Сморгун, утверждение о «сущностной несовместимости западной буржуазной цивилизации и цивилизации российской» ставит под вопрос правомерность марксизма как универсальной историософской теории, способной к развитию.

Остановимся подробнее на тех направлениях марксизма, которые, наряду с эклектическим марксизмом, обращаются к осмыслению глобальных процессов. В современном марксизме насчитывается множество направлений – от австромарксизма до неомарксизма и постмарксизма. Глобальные исследования осуществляются, главным образом, в русле таких направлений как *мир-системный подход* (немецкий экономист и социолог Андре Гундер Франк, американский социолог Иммануил Валлерстайн), *радикальная география* (англо-американский географ Дэвид Харви), *операизм* (итальянский политический деятель Антонио Негри, американский профессор Майкл Хардт), *альтерглобализм* (филлипинский политолог Уолден Белло, американский философ Мюррей Букчин, канадская писательница и социолог Наоми Кляйн). Рассмотрим эти направления подробнее.

1. Мир-системный подход

Мир-системный подход достаточно хорошо представлен в философской и социологической литературе благодаря работам И. Валлерстайна, справедливости ради, следует отметить, что Франк, менее известный отечественным читателям, предложил иной вариант этого подхода – *ориенталистский*. Он рассматривает лишь одну Мир-систему, которая возникла не менее 5000 лет тому назад, а затем через многочисленные циклы экспансии и консолидации охватила собой весь мир. Поэтому Франк предпочитает говорить о «Мир-системе», а не о «Мир-системах». Ученый предложил китаеццентричную теорию мирового развития, согласно которой, центр цивилизации, возникнув в Китае, далее перемещался в Индию, Переднюю Азию, Средиземноморье, Западную Европу, Северную Америку. Франк критиковал либеральные экономические теории, которые, по его мнению, опираются на нерепрезентативный по масштабу исторический опыт. Еще в 1966 г. в статье «Развитие неразвитости» он первым предложил марксистскую интерпретацию теории зависимости. Франк, проработав несколько лет в Латинской Америке, пришел к выводу, что реальность неразвитых стран глубоко противоречит как либеральным, так и марксистским евроцентристским схемам линейного развития, утверждавшим, что эти страны неизбежно пройдут по уже проторенной дороге исторического прогресса. А потому капитализм можно понять только как мировую систему, экономическое развитие в одних частях которой оборачивается неразвитостью в других. Вследствие этого, страны капиталистической периферии вовлекаются в процесс «развития неразвитости», когда участие страны в системе мирового капитализма приводит к усугублению ее бедственного положения. Опубликованная им позже книга «Капитализм и неразвитость в Латинской Америке» предопределила возникновение направления марксистской мысли, сосредоточившегося

на проблемах неразвитости и зависимости стран Третьего мира и поиске путей его независимого развития. Кстати, эти идеи Франка обретают актуальность в связи с планами создания Евразийского союза на постсоветском пространстве. Логика рассуждений Франка проста и убедительна: «Современная неразвитость – это, в значительной мере, результат прошлой истории и продолжающихся экономических и иных отношений между неразвитыми странами-сателлитами и ныне развитыми странами метрополиями. Более того, эти отношения – важная часть структуры и развития капиталистической системы в мировом масштабе как единого целого. Родственная и также ошибочная точка зрения состоит в том, что развитие этих неразвитых стран и наиболее неразвитых территорий внутри них должно быть осуществлено благодаря диффузии капитала, институтов, ценностей и т. д. из международных и национальных капиталистических метрополий. Историческая перспектива, основывающаяся на опыте неразвитых стран, показывает, что, напротив, в неразвитых странах развитие может осуществляться только в условиях независимости от этих отношений диффузии. Отношения между развитием и неразвитостью на международной арене так называемых отсталых или феодальных территорий – это такой же точно продукт единого исторического процесса капиталистического развития, как и так называемые капиталистические институты предположительно более прогрессивных территорий». Франк подтверждает действие открытого К. Марксом закона прибавочной стоимости в отношении между метрополией и ее сателлитами, которые привели, начиная с XVI в., к образованию монополистической структуры «метрополия-сателлит», на примере Чили и Бразилии. В чередующихся экономических эпохах капитализма (колониализм, свободная торговля, империализм, нынешний этап) ученый еще не называет глобализацией последнюю из перечисленных эпох, но суть от этого не меняется. Принципиально важно то, что Франк осуществил детальный анализ становления «сателлитной части» глобальной экономики и завершил этот анализ признанием того, что он «настаивает на глобальной экспансии и единстве капиталистической системы, ее монополистической структуре и неравномерном развитии, которым отмечена вся ее история» [1]. Следует иметь в виду, что *теория зависимости* представляет собой социальную теорию, в соответствии с которой ресурсы утекают из «периферии» в «ядро». Это центральное положение теории зависимости: неразвитые страны беднеют, а развитые богатеют в результате того, что интегрированы в мировую экономическую систему. Теория зависимости возникла в 1950-х гг. как реакция на ранние варианты *теории модернизации*, согласно которым все общества проходят через одни и те же стадии, поэтому неразвитые страны находятся в том же положении, в каком развитые страны находились в прошлом.

Согласно теории модернизации, необходимо «помочь» неразвитым обществам путем интеграции их в мировой рынок. Теория зависимости отвергает это положение и утверждает, что современные неразвитые страны не являются просто «ранними версиями» современных обществ. Ключевыми положениями этой теории являются следующие:

1. Неразвитые страны обеспечивают природными ресурсами, дешёвой рабочей силой и рынками сбыта страны развитые, без чего последние не могли бы поддерживать столь высокий уровень жизни своих жителей.

2. Развитые страны воспроизводят структуры зависимости в остальном мире такими способами как экономическое воздействие, контроль СМИ, прямое политическое вмешательство, образование, культура, спорт и т. п.

3. Развитые страны при помощи экономических санкций, политического влияния и военной силы активно противостоят попыткам неразвитых освободиться от зависимости.

Эта теория впервые была заявлена в опубликованной в 1957 г. работе Пола Барана «Политэкономия роста» и по многим пунктам воспроизводит марксистскую теорию империализма. Выделяют два направления в теории зависимости: 1) латиноамериканское, представленное работами Р. Пребиша, С. Фуртадо, Ф. Кардозо; 2) школа американского марксизма, представленная П. Бараном, П. Суизи и А. Г. Франком. Не рассматривая «Мир-системную» концепцию И. Валлерстайна, сосредоточим внимание на его понимании

марксова наследия и включение его в конструкцию данной концепции. В работе «Маркс и история: плодотворное и неплодотворное прочтение» Валлерстайн писал: «Мои два Маркса не находятся в хронологической последовательности: разница между ними коренится в фундаментальном внутреннем противоречии внутри самой марксовской эпистемологии, откуда и возникают две различные историографии. Так, с одной стороны, Маркс – это беззаветный борец против буржуазной либеральной мысли с ее антропологией, центрированной на понятии человеческой природы, с ее кантовскими категорическими императивами, с ее верованиями в медленное, но неизбежное улучшение человеческого естества, с ее озабоченностью индивидуальными поисками свободы. В противоположность этому понятийному набору, Маркс утверждал существование множественных социальных реальностей, каждая из которых обладает особой структурой и расположена в отдельном мире, определенном своим способом производства. Задачей для него было раскрыть то, как именно эти способы производства функционируют за их идеологическими покровами. Откуда следовало то, что именно верование в существование «всеобщих законов» как раз и препятствует постижению конкретных характеристик отдельных способов производства, обнаружению скрытых механизмов их функционирования и в конечном итоге ясному осознанию их исторической перспективы. С другой стороны, Маркс принимал универсализм, поскольку придерживался идеи неумолимости исторического прогресса с ее линейной антропологией. В этой интерпретации способы производства как бы выстраивались в ряд – подобно построению школьников по росту, – а именно в соответствии со степенью развития производительных сил... Этот второй Маркс, очевидно, гораздо более приемлем для либералов, и с ним они всегда были готовы договориться как интеллектуально, так и политически. Первый же Маркс много более неудобен. Его либералы боятся и отвергают, отказывая его построениям в интеллектуальной правомерности. Искуситель или спаситель, но единственно этот первый Маркс представляется мне интересным и до сих пор актуальным» [2].

II. Радикальная география

Радикальная география объединяет исследования, связанные с учетом географических факторов при формировании государственной и межгосударственной политики в отношении регионов с целью обеспечения социальной справедливости в государстве или мире.

Основателем и наиболее ярким представителем радикальной географии является англо-американский географ Дэвид Харви (*David Harvey*) – представитель школы пространственного анализа, автор одной из наиболее известных книг школы пространственного анализа «Объяснение в географии» (*Explanation in Geography*, 1969), в которой изложены методологические и философские положения англо-американской школы пространственного анализа. В начале 1990-х гг. он был самым цитируемым географом в мире. В числе его работ следует упомянуть те, которые определяют его принадлежность к марксизму: Ограничители капитала («*Limits to Capital*», 1982 – географический анализ капитализма с марксистских позиций); Условия постмодернизма («*The Condition of Postmodernity*», 1989 – критика идей постмодернизма); Справедливость, природа и география различий («*Justice, Nature and the Geography of Difference*», 1996 – о социальной и экологической справедливости); Пространства надежды («*Spaces of Hope*», 2000 – социалистическая утопия); Краткая история неолиберализма («*A Brief History of Neoliberalism*», 2005 – критический анализ развития неолиберальных идей); Пространства глобального капитализма: на пути к теории неравномерного географического развития («*Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*», 2006). Статью «Крах мировой капиталистической системы неизбежен» Д. Харви намеренно начинает со слов: «Современный экономический кризис можно сравнить с извержением вулкана, вызванным сдвигом тектонических плит в пространственно-временной модели капиталистического развития. Сейчас плиты ускоряют свое движение, тем самым

увеличивая вероятность того, что этот кризис окажется куда более жестким и продолжительным, чем предшествующий ему банковский кризис, разразившийся в конце 1980-х. Природу и время новых потрясений сложно предсказать, но можно с уверенностью утверждать, что их сила и частота будет только возрастать. Потрясения эти вызваны, прежде всего, внутренними факторами, что заставляет вспомнить фразу Маркса о неизбежном крахе капитализма и его смене на альтернативный и более рациональный способ производства. Я начал статью с этого умозаключения, потому что хотел бы еще раз подчеркнуть важность рассмотрения капиталистического развития с точки зрения его географической динамики». Далее в своих рассуждениях Д. Харви опирается на опубликованный в ноябре 2008 г. Национальным разведывательным советом (National Intelligence Council) США прогноз на мировое развитие до 2025 г., в котором впервые в истории эта организация признала тот факт, что гегемония Соединенных Штатов в мировой политике и экономике может прерваться. Мир станет многополярным и менее централизованным, а сила других игроков на мировой арене увеличится. Завершает Харви свою работу призывом отказа от неолиберальной идеологии и ее давления на экономику: «неравномерность развития в купе с ослабевающей американской гегемонией может привести к разделению мировой экономики на две доминирующие структуры, которые будут конкурировать друг с другом. Эта не ободряющая перспектива могла бы побудить политических лидеров Запада к созданию четкого плана действий по спасению капитализма от капиталистов и их ложной неолиберальной идеологии. И если это будет означать социализм, национализацию, сильное государственное руководство, связывание международного сотрудничества и создание новой международной финансовой архитектуры, пусть будет так». Так радикальная география предлагает свой вариант современного марксизма.

Бунге В. (*William Wheeler Bunge*) был одним из первых представителей «радикальной географии», однако, в отличие, например, от Д. Харви, уделял большее внимание не экономической, а социальной и экологической проблематике, работая в рамках антропогеографии, ноосферного подхода или экологии человека (как биологического и социального существа). Подобно другим представителям «радикальной географии» Бунге уделял колоссальное внимание изучению «реального мира», сбору первичного материала, исследованиям жизни людей в городской среде. основополагающую роль в работах В. Бунге играет идея геобиологической революции, впервые четко озвученная в монографии «Фитцджеральд: география революции». С геобиологической революцией он связывает программу борьбы за выживание человечества, а географическая наука будущего должна активно помогать создавать человечество, которое изменит свое отношение к машинам. Она должна помогать в создании регионов, где будут защищены дети, молодежь. Большое значение имеют конкретные географические исследования В. Бунге по проблеме войны и мира, например, «Атлас ядерной войны», опубликованный в 1982 г. Целью географической науки, признает ученый, должно стать изучение реальной жизни районов и людей, проживающих в них. Критерием выбора проблематики для географического исследования должны быть их социальная острота и обыденность, значимость для простых людей. Бунге В. призывает географов обличать империализм, показывать порочность американского образа жизни. Свою позицию он выражает так – «Я крайний антикапиталист».

III. Операизм

Операизм представляет собой разновидность интернационально распространенного автономистского марксизма, изначально получившего теоретическое оформление в Италии в 1960-х гг. Позже постмарксистские и анархистские тенденции стали сильнее после роста влияния ситуационизма, ухода со сцены ультралевых итальянских движений в 1970-х и появления многих важных теоретиков, включая Антонио Негри, который в 1969 г. способствовал основанию марксистской группы «Рабочая власть» (итал. *Potere Operaio*), а также Марио Тронти, Паоло Вирно и др. Автономы поддерживали тактику прямого

действия и опирались на студенческое движение, получившее особый размах после убийства в 1966 г. неонацистами студента Римского университета Паоло Росси. Во Франции многочисленные автономные организации участвовали в многочисленных антиядерных демонстрациях, маршах безработных, выступали в поддержку RAF, из их числа вышла группа «Прямое действие», просуществовавшая до 1987 г., в 90-е гг. к традиционной сфере деятельности прибавилось участие в альтерглобалистских мероприятиях и солидарность с нелегалами. В Германии движение автономов было особо воинственным и включало в себя не только демонстрации, саботаж и забастовки, но и сооружение баррикад, и закидывание полиции камнями и коктейлями Молотова. Оспаривая традиционную марксистскую ценность «освобожденного труда», операисты считали, что общество неотчужденного, свободного труда невозможно в рамках индустриального конвейера (фордизма). Фордизм должен уступить место обществу, основанному на приоритете информационных технологий. Для того чтобы вынудить капитал развить новые технологии, необходимо отказываться от работы в рамках фордизма. Лозунгом того времени стало: «Меньше работы, больше оплаты!». Это и была теория автономной борьбы, зародившаяся на больших северных фабриках в форме забастовок, саботажа и замедления работы, а также повседневной борьбы против превращения жизни в работу. Вскоре к старым методам добавились новые: захват пустующих домов сквоттерами и обобщение тактики самовольного снижения цен, иногда даже «пролетарский шоппинг» в виде массового грабежа. Итальянский политический деятель Антонио Негри и американский профессор Майкл Хардт в книге «Империя. Порождение и разложение» (M. Hardt, A. Negri, Empire. Cambridge, Massachusetts/London, England: Harvard University Press, 2002) вышли за пределы данного направления марксизма и дали свое представление об эволюции глобального управления. Ниже приводится отрывок из этого произведения.

«Становление постсовременности и переход к Империи связаны с процессом реальной конвергенции сфер, которые обычно называют базисом и надстройкой. Империя оформляется, когда язык и коммуникация или вообще интеллектуальный труд и взаимодействие становятся ведущей производительной силой (см. раздел 3.4). Начинает работать надстройка, а вселенная, в которой мы живем, становится вселенной производственных языковых сетей. Линии производства и репрезентации пересекаются и переплетаются в одной и той же языковой и производственной области. В этом контексте различия, которые определяют основные категории политической экономики, начинают стираться. Производство становится неотличимым от воспроизводства; производительные силы сливаются с производственными отношениями; постоянный капитал все чаще образуется и олицетворяется переменным капиталом – умами, телами и взаимодействием производящих субъектов. Социальные субъекты – это одновременно производители и продукты этой единой машины. Таким образом, в этой новой исторической формации невозможно больше выделить знак, субъекта, стоимость или практику, которые были бы «внешними» по отношению к ней. Однако образование этой тотальности не отменяет эксплуатацию. Скорее, оно дает ей новое определение, прежде всего по отношению к коммуникации и взаимодействию. Эксплуатация – это экспроприация взаимодействия и уничтожение значений лингвистического производства. Следовательно, в самой Империи постепенно возникает сопротивление принуждению. Сопротивление эксплуатации проявляется во всех глобальных сетях производства и обуславливает кризисы всех их узловых центров. Кризис разворачивается одновременно с постсовременной тотальностью капиталистического производства; он свойствен имперскому контролю. В этом отношении закат и падение Империи определяются не как диахроническое развитие, смена одного состояния другим, а как синхроническая реальность. Кризис пронизывает каждый момент развития и перестройки этой тотальности. С реальным подчинением общества капиталу социальные антагонизмы могут проявить себя посредством конфликта в любую минуту и на каждом этапе коммуникативного производства и обмена. Капитал поистине стал всем миром. Потребительская стоимость и все остальные отсылки к стоимости и процессам ее возрастания, казавшиеся внешними по отношению к капиталистическому

способу производства, постепенно исчезли. Субъективность полностью слилась с обменом и языком, но это вовсе не означает, что теперь она лишена конфликтного потенциала. Технологическое развитие, основанное на генерализации коммуникативных производственных отношений, является движущей силой кризиса, а производительный совокупный интеллект – пристанищем антагонизмов. Кризис и упадок связаны не с чем-то внешним по отношению к Империи, но с самой ее сутью. Они относятся к самому производству субъективности, и, таким образом, они одновременно свойственны процессам воспроизводства Империи и им же противостоят. Кризис и упадок – это не скрытая от глаз основа Империи, не грозное будущее, но ясная и очевидная реальность, всегда ожидаемое событие, постоянно присутствующая латентность. Это полночь в ночи призраков. И вновь воцарившаяся Империя, и массы, обладающие новыми созидательными способностями, основанными на интеллекте и взаимодействии, движутся в потемках, и ничто не может осветить нашу дальнейшую судьбу. Тем не менее, у нас появился новый ориентир (а завтра, возможно, появится и новое самосознание), который заключается в том, что Империя определяется кризисом, что ее упадок уже идет, и он идет постоянно, и что, следовательно, потенциал конфликта реализуется в определенном событии и сингулярности. Что означает на практике то обстоятельство, что кризис имманентен Империи и неотличим от нее? Можно ли в этой ночной тьме строить содержательные теории, обладающие прогностической силой, и применять к текущим событиям какие-либо определения?».

Литература

1. Франк А.Г. Развитие незрелости. URL: <http://www.left.ru/2005/9/frank126.shtml> (дата обращения: 12.10.2012).
2. Валлерстайн И. Маркс и история: плодотворное и неплодотворное прочтение. URL: <http://avtonom.org/old/lib/theory/wallerstein/marx-history.html?q=lib/theory/wallerstein/marx-history.html> (дата обращения: 15.07.2012).

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ПОНЯТИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОБЩЕСТВО

А.А. Грешных, кандидат юридических наук, доктор педагогических наук, профессор;

В.И. Колесов, доктор педагогических наук, профессор;

Т.В. Седлецкая. Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Обоснована необходимость поиска механизмов решения проблемы актуализации личностного подхода субъектов в образовательном процессе через социализацию, адаптацию, обучение, воспитание и развитие.

Ключевые слова: психическое отражение, адаптация личности, современный социум, социализация личности, социальная среда, формирование человека в педагогическом процессе

MODERN INTERPRETATION OF HUMANITARIAN CONCEPTS CHARACTERIZING SOCIETY

A.A. Greshnih; V.I. Kolesov; T.V. Sedletsky. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

Need of search of mechanisms of a solution of the problem of updating of a personal approach of subjects for educational process locates in work through socialization, adaptation, training, education and development.

Key words: mental reflection, personality adaptation, modern society, personality socialization, the social environment, formation of the person in pedagogical process